

Бессмертный Почитаемый Миндэ смотрел на Гу Цинбай с нескрываемым удовлетворением, но стоило в дверях показаться Чу Тяньцо, как улыбка мгновенно исчезла с его лица.

Чу Тяньцо скривила губы и, опередив всех, опустилась на колени:

— Учитель, я виновата, прошу наказать меня.

Миндэ был мужчиной редкой красоты: холодный, строгий, с точеными чертами лица, прямым носом и пронзительным взглядом. Несмотря на безупречный облик, он всегда казался закоренелым ученым — сухим и чопорным. Услышав покаяние из уст Чу Тяньцо, он даже опешил, словно солнце взошло на западе, и невольно хмыкнул.

— Ну, говори. Что ты натворила, пока меня не было?

Чу Тяньцо приняла вид обиженного цветочка, которого безжалостно трепал ветер, и начала «жаловаться»:

— Учитель, я в одиночку спустилась с горы, окружила старшего брата Ду Ханьцзяна и младшую сестру Му Юньшэн, а затем начала яростную атаку на них двоих и еще пятерых учеников.

— Я не только использовала свой живот, чтобы поранить их кулаки, пользуясь тем, что их много, а я одна, и тем, что они старше, но еще и словами ранила их самолюбие.

Даже невозмутимая и холодная Гу Цинбай не сдержала усмешки. Ли Були же вытаращил глаза, ошеломленный столь дерзкой манерой жаловаться. Еще больше его поразила бесстыдство Чу Тяньцо: надо же было так вывернуть историю, в которой ее саму побили!

Бессмертный Почитаемый Миндэ потер виски:

— В секте запрещены драки. Раз они так с тобой обошлись, почему ты не позвала Цинбай, чтобы она заступилась?

— Разве вы не этого хотели? — парировал он, прекрасно понимая ход мыслей ученицы. Если бы она хотела избежать столкновения, то не стала бы расхаживать по горе, где так удачно наткнулась на Му Юньшэн. Скорее всего, она сама спровоцировала конфликт, просто не ожидала, что там окажется еще и Ду Ханьцзян.

— Не всё же зависит от моих желаний, — проворчала Чу Тяньцо с видом оскорбленной невинности. — Старший брат по первому зову прибегает к сестре, а мне такое счастье не светит!

Она выглядела такой обиженной и несчастной, словно побитый пес, вернувшийся домой зализывать раны.

Гу Цинбай прикусила губу и посмотрела на учителя, но тот лишь отмахнулся:

— Цинбай, отведи этого юного гостя на Террасу Зеленого Нефрита и подожди меня там. У меня есть разговор с твоей младшей сестрой.

Миндэ никогда не позволял посторонним присутствовать при своих наставлениях. Лицо Чу Тяньцо вытянулось: стоило Гу Цинбай уйти, как ей не миновать порки.

— Ты винишь свою старшую сестру? — Миндэ нахмурился, и его голос наполнился невольной властью.

— Как я смею, — буркнула Чу Тяньцо, хотя в душе была совсем иного мнения.

— Да что тебе мешает! Если бы не Ду Ханьцзян, что бы ты сделала с теми учениками?

Чу Тяньцо упрямо выпятила подбородок, но тут Миндэ взмахнул рукой, и из ее одежды на пол вылетел кинжал. Вслед за ним рассыпался порошок из мешочка Семя Горчицы.

Чу Тяньцо опустила голову, выпрямив спину, и вся ее напускная небрежность испарилась. Она походила на самого упрямого барана в мире.

— Десять лет назад Му Юньшэн чуть не погибла из-за тебя. Ты уже понесла наказание, кармический долг был исчерпан. Почему ты до сих пор цепляешься за прошлое? Путь Дао бесконечен, и если ты будешь тратить силы на подобные мелочи, то потеряешь нечто куда более ценное!

Не я цепляюсь, а она! Почему бы тебе не прочитать такую же нотацию Му Юньшэн? Каждая волосинка на голове Чу Тяньцо выражала протест, но вслух она лишь глухо ответила:

— Я поняла, Учитель.

В глубине души она думала: для Му Юньшэн та история десятилетней давности давно забыта, а она сама сегодня снова выслушивает нотации из-за этого дела — как же можно говорить, что всё забыто?

Миндэ видел, что ученица лишь формально согласилась, но он не мог залезть ей в голову. Оставалось лишь надеяться, что со временем она осознает истину.

— Ладно, вставай, хватит стоять на коленях, — Миндэ вздохнул. В конце концов, это была девочка, которую он вырастил.

Взмахнув рукой, он вернул ей наполненный мешочек.

— В этой поездке на север старейшины Храма Всех Живых Существ подарили мне буддийскую чету. Она лучше всего помогает прояснить ум и укрепить волю, а также подавляет демонов сердца и отгоняет суетные мысли. Думаю, тебе она нужнее всего. Надень и не снимай ни на миг!

Прозрачная бусина была совсем крошечной, внутри нее проступал узор в виде лотоса. Она была гладкой, как жемчужина, и теплой на ощупь. Чу Тяньцо повертела ее в руках и с явным удовольствием надела на шею.

— Такая же ученица, а почему ты не набралась хоть капли рассудительности и зрелости от своей сестры? — пожурил ее Миндэ.

Чу Тяньцо дернула ухом. Несмотря на то что голос учителя был тихим, она расслышала всё и тут же выпалила:

— Уродилась такой непутевой, что уж тут поделаешь? — она пожала плечами, глядя на него с выражением: мол, не повезло вам со мной.

Миндэ задохнулся от возмущения:

— Убирайся! Ничему не научилась, только и умеешь, что выводить из себя!

Чу Тяньцо показала язык и, уходя, обернулась:

— Зато это доказывает, что у меня есть свои таланты!

По крайней мере, даже когда ее мастерство владения мечом уступало другим, она не теряла достоинства. Чу Тяньцо прижала к груди звенящий мешочек и зашагала прочь, тихо ворча:

— Дали бы хоть немного духовных камней, а то все только артефакты да талисманы.

Миндэ гневно сверкнул глазами:

— Паршивка!

Чу Тяньцо прибавила шагу и, миновав главный зал, свернула к Террасе Зеленого Нефрита, где располагался Массив Очищения. Гу Цинбай как раз уходила, прихватив свой мешочек.

— Столько лет называла ее сестрой, а теперь, когда ее собираются очистить, ты даже не взглянешь на нее в последний раз? — Чу Тяньцо прислонилась к колонне галереи и насмешливо приподняла бровь, словно Ли Були был демоном, который вот-вот развеется прахом в массиве.

За время, проведенное с Ли Були, Гу Цинбай убедилась, что в его личности нет ничего подозрительного. А теперь, когда вернулся Учитель, это дело и вовсе перестало ее касаться.

Гу Цинбай бросила на Чу Тяньцо спокойный взгляд, и мимо нее пронеслось легкое благоухание цветов персика.

— Это как раз то, чего ты и добивалась.

Она легко парировала насмешку, оставив Чу Тяньцо с чувством, будто та ударила кулаком в вату. Чу Тяньцо больше не смотрела на Гу Цинбай, переведя взгляд на Ли Були. У нее была звериная интуиция: она чувствовала малейшее проявление злобы или чужеродной энергии. Пусть личность Ли Були чиста, но ей казалось, что он скрывает какую-то тайну.

Раньше, даже находясь в уединении, она чувствовала тревогу, но теперь, когда Учитель вернулся, этот Ли Були уже не сможет натворить бед. Чу Тяньцо подбрасывала мешочек на ладони, вышагивая по дороге в отличном настроении.

Ее характер был простым и открытым: если она злилась, то злилась, если радовалась — то радовалась. Даже когда она замышляла недоброе, это было написано у нее на лице. Сама она могла этого не замечать, но близкие люди видели ее насквозь. Например, Бессмертный Почитаемый Миндэ или Гу Цинбай.

Двор Чу Тяньцо находился далеко от дома Гу Цинбай, а жилище Учителя — посередине. Чу Тяньцо жила на западе, Гу Цинбай — на востоке. Говорили, что это было требованием самой Гу Цинбай. Чу Тяньцо долго переживала из-за этого, что и послужило причиной их изначальной неприязни.

В первую встречу с Гу Цинбай она была взволнована и напугана, стараясь контролировать каждое движение, чтобы не разозлить ту. Но потом поняла: если человек тебя не любит, то, что бы ты ни делала и ни говорила, ничего не изменится.

При первой встрече Гу Цинбай посмотрела на нее с ледяным безразличием.

При второй — попросила Учителя расселить их по разным домам. Изначально Миндэ хотел поселить учениц вместе, чтобы они сблизились и могли вместе совершенствоваться, но Гу Цинбай отказалась без объяснения причин.

В третий раз она заперла ее в клетке и потребовала у главы секты десятилетнего заключения на Пике Лазурного Меча.

Чу Тяньцо оставила всякие попытки наладить отношения. Она всегда была своенравной, и если притворство не помогало ей стать принятой, то к черту всё это!